

На следующий день, когда Фан Цзычэнь ушел на работу, Чжао-гэр принес воды, до блеска вычистил кухню и, подхватив корзину, запер дом. Путь его лежал к Чжоу-гэру.

Запасы бамбуковых побегов, принесенных несколько дней назад, подошли к концу, а Фан Цзычэнь питал к ним особую слабость. Стоило мелко накрошить их и обжарить с мясным фаршем, как муж в одиночку сметал целое блюдо, да и утром не прочь был отведать такой закуски к рисовой каше. Целая кадушка опустела за считанные дни.

Юноша решил набрать еще. Если выйдет много, можно будет сделать кислые побеги — они отлично пробуждают аппетит, да и с лапшой сочетаются превосходно. Главе семьи наверняка понравится.

В деревне бамбуковая роща росла лишь на южном склоне, но места там были крутые, сплошь усеянные камнями, так что брать с собой Гуай-цзая было небезопасно.

Когда он пришел к Чжоу-гэру, семья тётушки Лю как раз заканчивала трапезу. Стоило гостю изложить свою просьбу, как хозяин дома тут же согласился пойти за компанию.

Гуай-цзай уже позавтракал. Когда Чжоу-гэр спросил, не хочет ли он перекусить, малыш лишь головой качнул:

— Гуай-цзай уже покушал, животик полный-полный. Кушайте, дядя Чжоу.

Мальчик убежал играть во двор, и Лю-лю, не сводя с него глаз, окончательно потерял интерес к еде. Наскоро проглотив пару ложек, он отложил палочки и бросился следом.

Отец крикнул ему вдогонку, но ребенок лишь отмахнулся — мол, сыт.

— Скушал всего две ложки, к полудню точно проголодается, — вздохнула тётушка Лю.

— Пусть его, — отозвался Чжоу-гэр. — Раз Гуай-цзай здесь, ему не до еды. К тому же он эту кашу с травой и так не жалуется. Проголодается — ничего страшного, не помрет.

Дети вели себя смирно, за ворота не выбегали. В хозяйстве жили две старые курицы; кормили их скудно, одними капустными листьями, оттого и яйца они несли крошечные. Лю-лю повел приятеля к обочине дороги копать червей. Лишь когда бамбуковая трубка наполнилась до краев, они неспешно побрели обратно.

Раньше Гуай-цзай больше всего на свете любил сидеть рядом и смотреть, как кормят птицу, но сегодня он, вопреки обыкновению, не пошел следом. Когда Лю-лю, управившись с курами,

вернулся в передний двор, он застал друга сидящим на корточках: малыш сосредоточенно выводил палочкой на земле какие-то каракули, похожие на извивающихся червей.

— Ты чего это делаешь? — любопытно спросил Лю-лю.

— Пишу, — важно ответил Гуай-цзай. — Отец меня научил!

— Ого... — Лю-лю был всего на год старше, и во многих делах понимал мало, но часто слышал от взрослых, что грамотные люди — народ особенный. Они могут стать важными чиновниками и зарабатывать горы серебра.

С нескрываемой завистью он присел рядом, подпирая щеки ладонями, и принялся внимательно наблюдать. Впрочем, сколько бы он ни вглядывался, понять смысл этих черточек так и не смог.

— Я тоже хочу научиться, — наконец признался он.

— Хорошо, — Гуай-цзай отломил половину палочки и протянул товарищу. — Повторяй за мной: читай вслух и сразу пиши, так мигом научишься.

Именно так его и учил Фан Цзычэнь.

В тот вечер, когда они вернулись из города с книгами, еще не успело стемнеть после ужина, а мужчина уже устроился во дворе с чтением. Времени, которое он мог провести дома, было немного, и Гуай-цзаю очень хотелось поиграть, но Чжао-гэр увел сына на кухню, боясь, что тот помешает.

Малыш постоял немного среди кастрюль, но тоска по отцу оказалась сильнее. Он подошел к окну и, встав на цыпочки, выставил над подоконником макушку, преданно глядя на Фан Цзычэня. Тот заметил его сразу. Поймав этот полный немой обожания взгляд, он улыбнулся и поманил сына к себе.

Гуай-цзай просиял. Глянув на папу и убедившись, что тот занят делами, он вихрем вылетел во двор, обхватил Фан Цзычэня за шею и, ласково прижавшись к его лицу, пролепетал:

— Отец, Гуай-цзай соскучился.

Мужчина подхватил его на колени:

— И как сильно ты скучал?

Малыш послушно устроился в объятиях, разводя руки в стороны:

— Вот так много! Сильно-сильно!

— И почему же ты скучаешь по отцу?

— Отец добрый, Гуай-цзай любит отца.

Фан Цзычэнь чмокнул его в щеку:

— И я тебя люблю. Давай отец научит тебя читать?

Гуай-цзай радостно захлопал в ладоши:

— Да-а-а!

Чжао-гэр в это время замер в дверях кухни. Фан Цзычэнь позвал его и предложил учиться вместе.

Супруг замялся:

— Не буду ли я тебе мешать?

— Вовсе нет, — покачал головой Фан Цзычэнь. — Пока учу вас, сам всё еще раз повторяю.

Так, за полмесяца подобных уроков, Гуай-цзай и Чжао-гэр выучили немало иероглифов и даже освоили сложение и вычитание в пределах двух знаков.

Солнце припекало всё сильнее, и дети перебрались в тень под навес. Чжоу-гэр и тётушка Лю пришивали подметки к обуви, а дядя Лю рядом вил веревки из соломы. Из-за двери доносились тонкие, старательные голоса.

— В начале времён...

— В начале свинён...

— А что это значит, ты помнишь? — спросил Гуай-цзай, указывая на начертанное на земле.

Лю-лю задумался и со вздохом покачал головой:

— Забыл.

Учитель наставительно пояснил:

— Это значит, что, когда люди только рождаются, они все-все добрые.

— О! Теперь я запомнил.

Дядя Лю перестал крутить веревку. Чжоу-гэр и тётушка Лю переглянулись и, поднявшись, тихонько подошли к детям со спины.

Хозяин дома, глядя на выведенные на земле знаки, с волнением спросил:

— Гуай-цзай, Лю-лю, чем это вы заняты?

— Гуай-цзай учит меня читать, — первым отозвался Лю-лю.

— Вот как? — Чжоу-гэр присел перед малышом. — Цзай-цзай, ты уже знаешь иероглифы?

Гуай-цзай важно кивнул:

— Угу! Отец научил.

Лоб его вспотел от усердия, и тётушка Лю, взяв его за руку, повела в дом:

— И чему же еще тебя отец учит?

Мальчик, у которого затекли ноги, охотно пошел за ней:

— Писать и считать деньги.

Тётушка Лю изумилась:

— Еще и считать научил? И ты всё понимаешь?

— Отец говорит, что в книгах — мудрость. Если много знать и быть умелым, то денежек будет очень много! — Малыш устроился на табурете; ножки его были слишком короткими и смешно

болтались в воздухе. — Отец рассказывал, что раньше он таскал тяжелые тюки целый месяц, пролил много-много пота и заработал всего один лян серебра. А теперь он просто шевелит мозгами и легко получает три ляна за месяц! Знания — это серебро. Чем больше понимаешь, тем больше зарабатываешь.

Он надул губки и потер макушку с самым сокрушенным видом:

— Я уже умею считать простое, а сложное пока нет. Отец говорит, я еще маленький, и пока хватит. А если учить слишком много, в моей головке всё не поместится, и она взорвется!

Поняв, что Фан Цзычэнь просто пугает сорванца, тётушка Лю и Чжоу-гэр дружно рассмеялись.

— Ну и умница наш Гуай-цзай, — ласково сказала женщина. — А давай я тебя проверю?

Гуай-цзай чинно сложил ручки на коленях:

— Проверяйте.

Тётушка Лю вспомнила свой последний поход на рынок:

— Пошла я продавать овощи: за шесть пучков выручила две монеты, за восемь пучков — три. Да еще было у меня десять яиц, а за каждые три яйца давали по две монеты. Сколько же я всего денег получила?

Чжоу-гэр и дядя Лю нахмурились. Задача показалась им слишком мудреной — они и сами бы не сообразили. Пока Чжоу-гэр, отвернувшись, усердно загибал пальцы, раздался звонкий голос Гуай-цзая:

— Сорок две монеты! И еще одно яичко останется.

Тётушка Лю лишилась дара речи.

— Ну что, правильно он сосчитал? — с нетерпением спросил Чжоу-гэр.

— Правильно... — голос тётушки слегка дрогнул.

Она торговала на рынке больше десяти лет, но никогда не могла сложить всё разом — приходилось пересчитывать каждую связку по отдельности. А этот кроха сообразил мгновенно. Видать, и впрямь Фан Цзычэнь — учитель от Бога.

Тётушка Лю погладила малыша по голове:

— Настоящий умница. Как будет время, поучишь и нашего Лю-лю немного, хорошо?

— Хорошо!

Тем временем Лю-паршивец и Хэ Эргоу как раз возвращались из города. Внезапно Хэ Эргоу замер и затащил спутника за толстое дерево.

— Ты чего... — начал было тот.

— Тс-с! — Хэ Эргоу указал пальцем в просвет между ветвями. — Гляди туда. Это не Чжао-гэр с Ма Вэнем?

Стоило Лю-паршивцу услышать имя супруга Фана, как всё его тело заныло от старых ран. Фан Цзычэнь в тот раз не жалел кулаков: прошло полмесяца, а нога до сих пор толком не слушалась, да и зубов заметно поубавилось.

Хэ Эргоу высунулся из-за ствола. Увидев, как близко стоят друг к другу двое на тропе, он многозначительно хмыкнул:

— И что это они там затеяли? Место глухое... Неужто...

— Замолкни, — оборвал его Лю-паршивец.

Они стояли не так уж далеко, а вокруг было безлюдно. Голоса Чжао-гэра и Ма Вэня звучали негромко, но слова долетали отчетливо.

— Чжао-гэр, дай мне хоть один шанс! Знаю, раньше я был неправ, и на родителей моих ты в обиде... Но если ты согласишься, я тотчас отделюсь от них. Уедем, будем жить своей семьей, подальше от всех. Идет?

Юноша сделал шаг в сторону, явно не намереваясь отвечать, но Ма Вэнь преградил ему путь.

— Чжао-гэр...

Деревенские мужики не горазды на красноречие. Сладких речей он не знал, а все его мольбы о прощении сводились к одним и тем же фразам. После той встречи у реки этот человек еще несколько раз подкарауливал его. Гэр каждый раз отказывал наотрез, но Ма Вэнь, казалось, был глух к любым доводам.

— Перестанешь ты наконец меня преследовать? — Чжао-гэр смерил его ледяным взглядом. — Как говорили твои родители: я — человек никчемный, жизнь моя ломаного гроша не стоит. С твоим-то положением ты любую девицу в жены взять можешь.

Ма Вэнь работал на грузовых судах. Труд был тяжелый, целый год приходилось скитаться по рекам, но и платили там по деревенским меркам баснословно — больше шестисот монет в месяц. В деревне, где мало кто знал грамоту, такая работа считалась пределом мечтаний, а сам мужчина — завидным женихом.

— Но мне нужен ты. Я с самого детства тебя люблю, — проговорил Ма Вэнь.

Услышав это, Чжао-гэр едва не рассмеялся. Что этот человек вообще понимает под словом «любовь»? Любил — и безучастно смотрел, как его бьют и унижают? Ни разу не нашел в себе смелости заступиться?

Смех всё же вырвался из его груди — горький и злой.

— Не смей больше произносить этого. Ты не достоин даже слова «любовь».

Голос его не был громким, но в его холодном, чистом звучании чувствовалась беспощадная решимость.

Собеседник хотел уйти, но Ма Вэнь снова схватил его за руку.

— Ты полюбил Фан Цзычэня, так? Из-за него ты гонишь меня, как бы я ни умолял?

— Да!

— ...Как же легко ты ответил, — Ма Вэнь поднял голову, губы его дрожали. — Чжао-гэр, неужто ты думаешь, что мне совсем не больно от твоих слов? Мы столько лет были рядом, я первым был подле тебя! А с ним ты и двух месяцев не прожил — и уже так любишь? Разве это честно?

Тот не стал оправдываться. Он лишь с силой вырвал руку и с раздражением бросил:

— Я никогда тебя не любил.

— Знаю, знаю... — пробормотал Ма Вэнь. — Раньше я был к тебе не слишком добр, и ты не любил меня. Ты и раньше об этом говорил. Это я... я по секрету всем твердил, что ты мой фулан, это всё я...

Ветер дул в лицо, и глаза мужчины покраснели.

— Дай мне еще хоть один шанс! Прошу тебя... Хочешь, я на колени перед тобой встану?

<http://bllate.org/book/15357/1427274>